

От Февраля к Октябрю. События революции на страницах газеты «Русская воля»

DOI 10.22394/1726-1139-2017-7-175-184

Шишкина Лидия Ивановна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Профессор кафедры социальных технологий

Кандидат филологических наук, доцент

lidia_shishkina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлены материалы газеты «Русская воля», история которой до сих пор не была предметом исследования, доказывається устарелость ее прежних политизированных характеристик. Воссоздается хроника событий революции от ликования февральских дней до констатации хаоса и распада, закончившихся противостоянием различных общественных сил и октябрьским переворотом, в восприятии публицистов данного издания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Русская воля», революция, Временное правительство, Л. Андреев, Ленин, большевики

Shishkina L. I.

From February to October. Revolution Events on Pages of the Newspaper "Russkaya Volya"

Shishkina Lidia Ivanovna

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Chair of Social Technologies

PhD in Philology, Associate Professor

lidia_shishkina@mail.ru

ABSTRACT

In the article contains the materials of the newspaper 'Russian Will', the history of which has not yet been the subject of objective research. The obsolete nature of the old policy of commodity characteristics is proved. A chronicle of the events of the revolution is celebrate from the jubilation of February days to the establishment of chaos and disintegration, confrontation of various social forces that ended in the October coup in the perception of the publicists of this publication.

KEYWORDS

newspaper 'Russian Will', revolution, The Provisional Government, L. Andreev, Lenin, Bolsheviks

На сегодняшний день ни в истории отечественной журналистики, ни в истории литературы не существует объективного анализа газеты «Русская воля». Во многом это объясняется стереотипом, бытующим со времен известных формулировок В. И. Ленина, назвавшего «Русскую волю» «одной из наиболее гнусных» буржуазных газет, «основанной на заведомо темные деньги» и «служашей худшим из капиталистов» [1, т. 31, с. 207; т. 34, с. 117]. В работе Ю. Оксмана 1930-х годов, до сих пор остающейся едва ли не единственной рассматривающей историю возникновения газеты, на основании архивных документов доказывалась ее связь с банковско-промышленным капиталом, а через него — с правительственными кругами, желавшими получить авторитетный печатный орган внешне либерального направ-

ления [2]. Между тем история создания и бытования «Русской воли», помимо необходимости непредвзятого ее осмысления, приобретает особый интерес в связи с историей революции, ибо она начала выходить в свет незадолго до событий Февраля и прекратила свое существование сразу после октябрьского переворота.

Характерно, что негативное общественное мнение по отношению к «литературно-банковской затее» сформировалось еще до выхода в свет «Русской воли». Газета рождалась в атмосфере всеобщей недоброжелательности, проявленной как с левой, так и с правой стороны. Так, кадетская «Речь», поддержанная «Вестником Европы», сообщала, что А. Д. Протопопов, бывший в то время Товарищем председателя Государственной Думы, выступил с инициативой создать печатный орган, который должен «правильно освещать вопросы экономические и защищать промышленные и финансовые круги от несправедливых нареканий, так часто раздающихся в печати», и предполагал привлечь к участию в нем «авторитетных и видных представителей науки и литературы, профессоров и популярных писателей»: Горького, Короленко и Леонида Андреева¹. С другой стороны, с трибуны Государственной Думы одиозные депутаты Пуришкевич и Марков-2 обвинили «Русскую волю» в том, что она издается на немецкие деньги, а писатели, участвующие в ней, являются проводниками немецкого влияния. Общественное мнение тут же дало будущей газете язвительное название «Банковская печальница». Неприемлемость для многих фигуры А. Д. Протопопова, стоявшего у истоков издания, и старательно муссировавшиеся слухи о связях газеты с банковским капиталом, несовместные с традициями русской интеллигенции, привели к тому, что многие писатели и общественные деятели отказались от сотрудничества с ней.

Газетная травля еще не вышедшей «Русской воли», объединившая органы печати различных направлений и перенесенная в Государственную Думу, побудила ее участников обратиться с разъяснениями действительного положения дел. В распространенном редакционном обращении утверждалось, что акционерами газеты являлись представители торгово-промышленных предприятий и категорически отрицалось финансовое участие крупных банков. Столь же категорически отвергались любые слухи о возможности какого бы то ни было немецкого влияния, объясняемые тревожным моментом, конкуренцией и политической демагогией. Обращалось внимание на то, что А. Д. Протопопов был лишь первоначальным учредителем газеты, но с момента назначения министром внутренних дел никакого отношения к газете не имел, не владел ни одной акцией издательства, а возглавляли бюро учредителей ректор Петроградского университета проф. Э. Д. Гримм и проф. Н. А. Гредескул.

«Согласно договору, заключенному издательством с главными редакторами „Русской воли“ — М. М. Гореловым и А. В. Амфитеатовым, редактором литературно-критического отдела Л. Н. Андреевым и заведующим экономическим отделом проф. М. И. Боголеповым, редакции предоставлена полная самостоятельность и независимость в идейной постановке „Русской воли“, без права издателей вмешиваться, в каком бы то ни было отношении, в редакционную работу и характер газеты»², — утверждалось в открытом письме, под которым стояли подписи А. Амфитеатрова, Л. Андреева, А. Куприна, критиков Н. Ашешова, С. Адрианова, проф. М. Боголепова, Э. Гримма, Н. Гредескула, М. Чубинского и др.

Первый номер «Русской воли» вышел 15 декабря 1916 г. В открывавшей его редакционной статье заявлялось: «Мы выходим на арену общественной работы не для личной или фракционной перебранки, но с надеждами и планами положительного творчества <...> — для великого дела служения Родине, для неустанного призыва

¹ Кузьмин-Караваев В. Д. Хроника — Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 323–324.

² Архив ОГЛМТ. Ф. 2978. Ед. хр. 7.

к вере в могучие силы нашего народного духа, к бодрости и энергии в борьбе с внешним врагом и с теми темными внутренними безответственными силами, которые пытаются создать разруху и затормозить лучшие народные порывы»¹.

Провозглашая «Русскую волю» как орган реального мировоззрения, выраженно-го во внепартийной прогрессивно-демократической программе, на почве которой газета сумеет «прямо и твердо взглянуть в глаза русской действительности, не обольщаясь розовыми утопиями, не впадая в уныние пессимистического скептицизма», ее редакция формулировала следующие задачи:

- во внешней политике — рассматривать «Вторую Великую Отечественную войну» как преемницу освободительного движения, как новый фазис русского демократического самосознания, а потому оставаться непоколебимыми и последовательными сторонниками войны против Германии, «олицетворяющей реакционные, бюрократические и аристократические начала»;
- во внутренней политике целями объявлялось довершение реформ Петра Великого — «не только формального, но и реального приобщения России к лику европейских государств», «устремление России к политическому идеалу правового государства»².

В солидном 12-страничном издании «Русской воли» первые полосы, естественно, занимала рубрика «Война», включавшая сообщения из штаба Главнокомандующего, телеграммы военных корреспондентов, интервью, военные дневники. С нею соседствовали политический отдел, возглавляемый А. Амфитеатовым, содержащий статьи Н. Гредескула, Г. Алексинского, Г. Плеханова и др., и экономический — под редакцией проф. М. Боголепова. Значительное место занимал литературно-критический раздел, редактируемый Леонидом Андреевым, внушительно представленный своим объемом, разнообразием рубрик и имен. Несмотря на отсутствие писателей «первого ряда», Андрееву удалось привлечь к сотрудничеству известных литературных деятелей. Постоянные рубрики вели В. Муйжель («Письма с войны») и В. Тан-Богораз («На местах»), позже — Д. Айзман и В. Бруснянин; в разделе «Театр и музыка» печатали рецензии С. Глаголь (С. Н. Голоушев) и Н. Аш (Н. П. Ашешов). Почти ежедневно выступали со стихотворными фельетонами бывший «сатириконе-вец» Вас. Князев и известный Лоло (Мунштейн), впоследствии — Вл. Азов и А. Аверченко. На страницах газеты появлялись имена Г. Иванова, С. Ауслендера и А. Грина, в рубрике «Литературный дневник» — молодых Л. Гроссмана, В. Жирмунского и М. Шагинян. Фигура самого Андреева для газеты была, во многом, определяющей. Он был ее лицом и ее голосом. В «Русской воле» было опубликовано около 70 его публицистических статей, заметок, интервью, рецензий, открытых писем, заявлений, протестов, подписанных полным именем «Леонид Андреев» или различными псевдонимами, иногда в одном номере выходило несколько андреевских материалов.

Проанализированные материалы газеты не подтверждают мнение о ее проправительственном характере. Политика правительства подвергалась на ее страницах достаточно резкой критике, в том числе и деятельность А. Д. Протопопова на посту министра внутренних дел. Так, в одном из январских номеров 1917 г. газета выступила против провозглашенного им курса на «твердую власть», отметив: «со старыми шаблонами подходить к чуткому, нервному и возбужденному обществу было бы равновелико тому, что лечить лихорадку нагайкой»³. В редакционной статье от 1 января 1917 г. содержались резкие высказывания против премьер-министра Штюрмера, названного «германофилом» и обвиненного в подавлении обще-

¹ Русская воля. 1916. № 1. 15 (28) декабря. С. 3

² Там же.

³ Русская воля. 1917. № 3. 4 января. С. 1.

ственного мнения, что привело «к полной изоляции власти от общественности»¹. Невозможно подтвердить и обвинение газеты в германофильстве и участии в ней «немецкого капитала». Более того, «Русскую волю» отличала последовательная проповедь «войны до победного конца», в основе которой лежала мысль, что Великая или «вторая отечественная» (как ее называли в России) война являлась не просто противостоянием государств, а борьбой национальностей и культур, конфликтом «германцев» и «славян», и миссия России виделась в защите свободы других национальностей, спасении всего культурного мира от германского духа с его милитаризмом и фальшивой культурой. Кроме того, война рассматривалась как предтеча будущего возрождения России.

Эта позиция активно отстаивалась в различных материалах газеты. В частности, А. Амфитеатров в статье «Молот и булат» называл «пораженческое движение» курьезным видом революционного фатовства, в то время как истинные столпы русского освободительного движения (П. Кропоткин, Г. Плеханов, Г. Лопатин, Н. Чайковский и др.) — все «сейчас с народом, как вожди и проповедники войны»². Газета напечатала заметку Г.В. Плеханова «Стоны Бельгии», в которой ведущий представитель русской социал-демократии выступил против интернационалистской резолюции Циммервальда³.

Первый номер «Русской воли» открывался статьей известного профессора права, публициста и общественного деятеля Н.А. Гредескула «Вера в Россию», провозглашавшей необходимость «справиться с грандиозной внешней задачей», после чего Россия, «расчистив себе свободный исторический путь, могуче двинется к своему прекрасному будущему»⁴. С нею перекликалась статья Л. Андреева «Горе побежденным», в которой писатель, размышляя о последствиях военного поражения, пророчески предрекал наступление послевоенного тоталитаризма: «Едкое чувство стыда, вызванное поражением, горечь попранного достоинства, неизбежная потребность большое поражение возместить хоть маленькой победой — преображаются в жестокость, *насилие над слабым*, в цинизм и презрение, и лишь маскируются гордыми словами. <...> и если еще случались великодушные победители, то никогда не видел мир великодушного побежденного — горе побежденным!» Статья заканчивалась пророческими словами: «Я не утверждаю самонадеянно, что у нас будет победа. Но я говорю: нам нужна победа, как никому из ныне борющихся. Победу или почти верную гибель всего русского народа — вот что несет нам неизвестное будущее»⁵.

Даже после потрясших Россию событий Февраля «Русская воля» продолжает поддерживать политику «войны до победного конца», из номера в номер повторяя призывы: «на фронт!», «нет спасения вне победы!». Меняется лишь революционная риторика: ныне уже не безмолвная жертвенная масса, а «свободные граждане-солдаты» «под красными революционными знаменами» должны защищать родину; победив внутреннего врага — последнего абсолютного монарха, победить и врага внешнего — последнего абсолютного монарха Европы — Вильгельма Гогенцоллерна.

«Русская воля», как и подавляющее большинство газет, с восторгом отзывалась на события февральской революции, восприняв ее как точку отсчета новой России (была введена даже новая нумерация). Стремясь поспеть за стремительно развивающимися событиями, газета начинает выходить дважды в день. Мартовские номера выходят под жирной шапкой: «Да здравствует революция». Редакционные статьи пестрят заглавиями «Великий праздник», «Власть народа», «Династия Ро-

¹ Русская воля. 1917. № 1. 1 января. С. 3.

² Русская воля. 1916. № 8. 22 декабря. С. 3.

³ Русская воля. 1917. № 3. 4 января. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 4.

мановых исчезла безвозвратно», «Революция в окопах». Переполюющая их восторженная экзальтация оформлена высокопарными языковыми штампами: «с великим праздником, русский народ!». «Начинается новая жизнь новой молодой России, получившей новое крещение в купели свободы и очищенной от грехов царизма». «Россия должна стать, наконец, великой державой — семьей всех народов, ее составляющих и боровшихся одинаково с царизмом за свое свободное бытие». «Построим дворец свободы, достойный великой революции»¹ и пр.

В этом контексте одна за другой выходят «факельные» статьи Леонида Андреева: «Памяти погибших за свободу», «Путь красных знамен», «Убийцы и судьи», «Призыв» и др. В них писатель выражает уверенность, что революция выведет Россию из провинциального феодально-крепостнического захолустья и превратит в страну, указывающую путь современной Европе, что результатом ее будет утверждение общеевропейской демократии и создание объединенной Европы. Он приветствует отмену смертной казни и считает, что теперь «можно гордиться, что ты русский». Он с презрением отзывается о Николае II и его окружении и воспекает подвиг известных и неизвестных борцов, подточивших трон Романовых («Памяти погибших за свободу»). Поддавшись захлестнувшей общество эйфории всеобщего ликования, приветствует манифестации свободных граждан, «радостных, веселых и добрых». В статье «Призыв», явившейся откликом на грандиозную все-русскую первую манифестацию (проводилась одновременно с первомайскими демонстрациями во всем мире — по старому календарю 18 апреля), впервые разрешенную правительством и ставшую одним из немногих случаев массового единения российского общества, пишет восторженные слова о свободе, новой красоте, радостном смехе: «Граждане! Манифестируйте! Манифестируйте! Ищите единомышленников, собирайтесь в толпы и идите на улицы, высоко неся красные знамена с начертанными словами. <...> Собирайтесь на митинги, спорьте, доказывайте, говорите резко и говорите все, что вам диктует свободный ум и свободная совесть...»².

Выдающийся социолог XX в. Питирим Сорокин, бывший непосредственным участником революционных дней в Петрограде, указывал, что все великие революции неизбежно проходят три типические фазы. «Первая из них — короткая — отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и большими ожиданиями реформ, которые обещает каждая революция. Эта начальная стадия лучезарна». Но постепенно в человеке начинает просыпаться зверь, и короткая увертюра сменяется второй, деструктивной стадией. «Великая революция превращается в яростный вихрь, сметающий на своем пути все без разбора. Он безжалостно разрушает не только отжившие институты общества, но и вполне жизнеспособные, <...> уничтожает не только исчерпавшую себя элиту, стоявшую у власти при старом режиме, но и множество людей и социальных групп, способных к созидательной работе. Революционное правительство на этой стадии является грубым, тираничным, кровожадным. Его политика в основном разрушительна, насильственна и террористична» [3, с. 82]. Сорокин называл и третью, конструктивную стадию революции, когда она, уничтожив контрреволюционные силы, на обломках начинает строить новый социальный и культурный порядок и новую систему ценностей, включающие в себя наиболее жизнеспособные дореволюционные общественные институты и ценности. Однако пока реальными фактами русской жизни стали хаос, «бестолковщина», борьба политических партий и отдельных «вождей» за власть, опасность массовых расстрелов, большевики, германцы. И хотя лозунг «Да здравствует Республика» еще сохраняется, во всех материалах газеты сквозит тревога за хрупкое согласие общества.

¹ Русская воля. 1917. № 1. Веч. вып. 6 марта. С. 1.

² Русская воля. 1917. № 75. Утр. вып. 22 апреля. С. 3.

«Русская воля» все более приобретает политический характер. Пространство газеты заполняют стенографические отчеты съездов многочисленных партий и заседаний Государственной Думы, выступления новых политических деятелей; сообщения с мест о захвате крестьянами помещичьих земель, вести с фронтов о братании на фронтах, оборачивающихся кровью и многочисленными жертвами. С конца апреля с первой страницы газеты исчезает шапка «Да здравствует республика». Вместо нее появляются заголовки: «Отечество на краю пропасти», «Революция на краю пропасти», «Призрак гражданской войны». Доктор В. Н. Белоголовцев пишет о двух ликах революционной русской жизни — светлом и темном, о великом русском расколе¹. Символом момента стали семечки. «Семечки, семечки, семечки <...> Всюду, на площадях, на улицах, садах и бульварах — густые слои выброшенной из миллионов ртов шелухи»². Россия перестала быть домом. Она превратилась в проходной двор.

Хроника событий фиксирует конкретные свидетельства разрушения общего дома России: заявляют о своей автономии Азербайджан и Финляндия. Внимательно наблюдает газета за разворачивающимися событиями на Украине, где Универсал украинской Рады выдвинул идею создания единой Украины из двух расщепленных ее частей: русской и австрийской. Вожжами разбушевавшейся украинской стихии стали историк М. Н. Грушевский и писатель В. К. Винниченко (до революции активно печатавшийся в центральных русских журналах и получивший известность как неуравновешенная революционно-авантюрная натура и ярко выраженный проповедник индивидуализма), сформулировавшие идею украинского национализма и самостийности. Дебаты по отделению Украины и Финляндии и декларация по украинскому вопросу, предполагающая предоставить Украине широкую автономию, вызвала первый кризис Временного правительства, когда из него вышли представители партии кадетов, отстаивавшие идею единой и неделимой России.

30 апреля 1917 г. Андреев буквально «кровью сердца» пишет статью «Гибель». Начиная ее лозунгом «Отечество в опасности!», он констатирует, что Россия «близка к смерти»: надвигающийся голод, разложение армии, бессильное правительство и — самое болезненное для него — развал державы, когда ее, ослабевшую, стали рвать на части: «решительно и резко отмежеввалась Финляндия, <...> О чем-то большем, нежели автономия, говорит Украина. Странно смотрит Сибирь». «Кто еще? Кому еще так ненавистна Россия, что ни одной минуты не хотят быть вместе, требуют развода — от умирающей? — восклицает автор. — Идите и бейте, рвите на клочья немощную дуру, тащите ключи из-под подушки, тащите все, что можно. <...> Чего ее жалеть, когда она сама себя не жалеет! Чего ее хранить и навязывать ей какое-то спасение, когда она сама себя не хранит и слепо лезет в могилу, сама себе на тысячу голосов поет отходную!» Готовый разделить выпавшие на долю державы страдания, он подает сигнал SOS: «Спасите Россию, спасите ее, живые и уже мертвые души»³.

Ощущение стремительного движения в пропасть предельно обостряется после событий 3–4 июля — первой попытки вооруженного переворота, когда большевики вывели на улицу толпу под лозунгами: «Долой войну!», «Долой наступление!», «Долой Временное правительство!». «Пробил час. Спасайте Родину!» — под такой шапкой теперь выходят номера «Русской воли». Страницы газеты изо дня в день демонстрируют, как страна все больше погружается в хаос. Промышленный и правительственный кризисы, министерская чехарда, жестокие поражения на фронтах, разгромы помещичьих усадеб и дикие грабежи, буйства солдат на фронте и в

¹ Белоголовцев В. Н. Два лика // Русская воля. 1917. № 136. 10 июня. С. 3.

² Там же.

³ Русская воля. 1917. № 89. Утр. вып. 30 апреля. С. 3.

тылу. Утопические надежды на Россию, несущую другим странам революцию и свободу, терпят крах. «Русская революция — не пример для других народов, — делает горький вывод некто А. Д. — Вы знаете, какое впечатление мы производим на других? Впечатление неисправимых варваров, взбунтовавшихся рабов, а уж никак не учителей политической и социальной мудрости»¹.

Самым болезненным вопросом стало разложение армии. Писатель В. Муйжель, бывший военным корреспондентом, в своей постоянной рубрике «Война» с горечью констатировал, что солдат, оставленный ныне без палки, без угрозы расстрелом, без окрика офицера, покатылся с фронтов неостановимой массой — «распоясанный, без шапки, босой, разленившийся за месяцы ничегонеделания <...> святой негодяй, несамостоятельный даже в своих решениях. <...> Бессознательно мстя за годы тьмы, презрения, заброшенности, тоски, унижения, за годы рабства и слепоты, в которой сам, быть может, и не был виноват, подвергая всю страну в трепет ужаса и негодования... И попер, не пошел, а попер, громя встречные города, сминая на своем пути все мешающее, — босой, растрепанный, почти дикий»². «Оздоровление армии — вопрос жизни и смерти страны и революции»³, — писал выдающийся ученый В. Бехтерев. Не в силах остановить распад армии революционными лозунгами и призывами к патриотизму, Временное правительство, по предложению военного комиссара Б. Савинкова, пережившего потрясение от зверства распоясавшейся солдатской толпы при взятии Калуща, в июле 1917 г. принимает решение о восстановлении смертной казни. И Леонид Андреев, автор «Рассказа о семи повешенных», признанного самым ярким протестом против смертной казни, пишет статью «К тебе, солдат!». Писатель все еще верит, что не все потеряно, что силой экспрессивного слова можно воздействовать на души. С болью говорит он, что солдат — краса и гордость революции, увлеченный ложно понятой свободой, — стал ее проклятием, когда «носился по улицам на пьяных автомобилях и грозил ружьем наперевес женщинам и детям». Проклятый народом, он превратился в труса, предавшего своих офицеров, товарищей, честь, Родину. Он заслужил позор и заслуженную кару. Писатель взывает: «Восстань же, солдат. Поднимись из праха, открой нам и Богу свое человеческое лицо. <...> Родина умирает. Родина зовет тебя. Встань, милый солдат!»⁴

Ввиду острой актуальности статья была напечатана дважды: в утреннем и вечернем выпусках газеты, распространялась в виде листовок и многочисленных перепечаток⁵. Она вызвала активную реакцию, в нескольких номерах газета дала подборку противоречивых откликов. Однако практического результата не возымела.

23 августа была потеряна Рига, и немцы вплотную приблизились к Петрограду. «„Немецкие товарищи“ гонят русскую революционную армию, как стадо»⁶, — констатировал А. Александров. Через день очередной номер газеты выходит с редакционной статьей без подписи, но, судя по повторившимся в других статьях мотивам, принадлежащей Андрееву. Констатируя неустойчивость армии, превращение ее в толпу, лишенную физической и идейной организации, он обвиняет в этом не народ, одетый в серые солдатские шинели, а тех, «кто принесли ему, темному и невежественному, проповедь интернационализма, проповедь классовой борьбы, проповедь материализма». Одним из первых он ставит вопрос о нравственной ответственности интеллигенции за происходящие в России события: «Пришел час

¹ А. Д. Бредни // Русская воля. № 191. Утр. вып. 13 августа. С. 3.

² Муйжель В. Война // Русская воля. 1917. № 169. Утр. вып. 18 июля. С. 2.

³ Бехтерев В. П. Б/н // Русская воля. 1917. № 190. Утр. вып. 12 августа. С. 2.

⁴ Русская воля. № 165. Утр. вып. 14 июля. С. 2.

⁵ Например, в кронштадтской газете «Труд и земля» (1917. № 72. 19 июля. С. 3) и в книге «К тебе, солдат» и другие очерки для солдатских чтений» (Иркутск, 1917).

⁶ Александров А. Добивают // Русская воля. 1917. № 199. Утр. вып. 23 августа. С. 2.

расплаты за нашу умственную безответственность. Мы умственно и нравственно сбили народ с толку, мы расстроили весь наш политический и социальный механизмы, мы расстроили народный труд, мы расстроили армию. Мы — умственные и нравственные вожди, мы — во всем виноваты. Нам и нужно встать на колени перед народом и всенародно перед ним покаяться»¹.

В отличие от социалистических газет, искавших причины поражения в предательстве генералов, «Русская воля» сказала: «Не народ, не солдаты, не армия во всем этом виновата. Сбывается на наших глазах евангельская притча о соблазнении „малых сих“»².

«Русская воля», ранее безоговорочно поддерживавшая Временное правительство, начинает его беспощадную критику. «Бесплодное, неумелое, без знания дела метание вместо последовательного государственно-военного строительства, демагогические выкрики вместо трудового призыва к правде и гражданскому долгу, возрастающая дезорганизация войска вместо стройной дисциплины, беспорядочная погоня за внутренним врагом, за контрреволюцией и изменой вместо признания и исправления собственных ошибок»³ — характеризует она его деятельность. Меняется оценка ведущих политических фигур, прежде всего, А.Ф. Керенского. Восторженные оценки его личности: «живое чудо», «светлый юноша революции», «гордость России», сравнение его бескорыстного служения революции с подвигом Жанны д'Арк, сменяются констатацией неспособности политика обуздать проснувшую стихию, непоследовательности его действий и высокопарного пустословия. Жестко констатируется случайность и безличность предводителей партий, выброшенных наверх революционной волной. «Скоморох революции» — называет Андреев главу партии социалистов-революционеров В. Чернова.

На страницах газеты всплывает новое имя — «большевики». Сначала упоминавшиеся вскользь, с долей легкого презрения как явление, недостойное внимания, они все больше начинают вызывать опасение своей злобной риторикой, жесткой линией поведения, пренебрежением судьбой России. «Эти люди, верша судьбы России, не задумываются, не хотят и не могут думать о последствиях того, что они делают», — считает В. Самойлов⁴. Большевики в представлении газеты — «опьяневшая и обезумевшая секта». В то же время она с недоумением и страхом констатирует расползание «заразы большевизма» по России.

С апреля 1917 г. на страницах «Русской воли» возникает имя Ленина. В первые дни после его возвращения из эмиграции в Петроград, его фигура представляется исключительно в сатирическо-насмешливых тонах. Таков, например, фельетон В. Азова, иронически обыгрывающий факт проезда Ленина по территории Германии в plombированном вагоне⁵, или карикатура «Германские способы ведения войны», сопоставляющая холерный эмбрион и Ленина и намекающая на распространение мнения о нем как немецком шпионе, отправленном для содействия внутреннему распаду России⁶. Можно понять ленинскую ненависть к «Русской воле»: ни одна газета не давала ему столь беспощадные характеристики. В ее оценке Ленин — разрушитель России — «кандидат на бакунинский престол», призывающий к гражданской войне, олицетворение прихода «грядущего хама», предсказанного Мережковским. В июле газета выступает с требованием суда над Лениным. «В русской жизни нет в настоящее время большего зла и большей опас-

¹ Русская воля. 1917. № 201. Утр. вып. 25 авг. С. 2.

² Русская воля. 1917. № 201. Утр. вып. 25 авг. С. 2.

³ А.Д. Memento mori // Русская воля. № 202. Утр. вып. 26 августа. С. 2.

⁴ Самойлов В. Герои и толпа // Русская воля. 1917. № 219. Утр. вып. 15 сентября. С. 2.

⁵ Русская воля. 1917. № 40. Веч. вып. 6 апреля. С. 1.

⁶ Русская воля. 1917. № 61. Веч. вып. 13 апреля. С. 2.

ности, чем большевизм Ленина и его товарищей»¹, — пишет на ее страницах знаменитый В. Бурцев.

Но самые резкие и пророческие слова о Ленине сказал Л. Андреев, раньше других современников увидевший в малоизвестном тогда политике будущего исторического триумфатора. В статье «Veni, creator!» («Гряди, победитель!»), написанной в сентябре 17-го года, Андреев нарисовал пророческую картину его прихода к власти: «Гремите, военные оркестры! Вывешивайте флаги! Из красных полотнищ стройте триумфальные арки! Громче и веселее кричи, праздничный народ: в твой мрачный город вступает завоеватель!»². Он пытается разгадать загадку фантастического воздействия Ленина на массы. И видит его в ленинской «трагической» демагогии, обращенной к архетипическому, примитивному, первобытному началу в человеке, когда «его слушатели или читатели, под влиянием его статей, мрачно сжимают кулаки, готовые немедленно броситься на ненавистных буржуев»³.

Фигура Ленина, в представлении Андреева, приобретает гротесковые очертания в той художественной функции гротеска, когда последний становится способом изображения «непознанного» — темных, грозных сил, роковым образом вторгающихся в жизнь людей. «Маленький и даже щуплый» Ленин, который «встал над миллионами», в глазах побежденного им русского народа становится «выше Александровской колонны». Вступление Ленина в Россию подобно загадочному «Оно» из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, обрушившемуся на глуповцев, «бурюя землю, грохоча и стеная»: «Вот ты уже над городом, как дымное облако пожара. Вот ты уже, как черная туча, простираешься за горизонт и закрываешь все небо: черно на земле, тьма в жилищах, безмолвие, как на кладбище. Уже нет человеческих черт в твоём лице; как хаос клубится твой дикий образ, и что-то указывает позади дико откинутая черная рука». «Горе побежденным!»⁴.

Андреевское осмысление образа Ленина и большевизма оказало влияние и на оценки других публицистов. Любопытна в этом смысле статья В. Тана (В. Г. Богораз) «Российский Мефистофель», в которой присутствует не только сходство концепции, но и сам прием рецептивного восприятия данного феномена через устойчивое впечатление от художественного образа. Внешне она представляет собой рецензию на гастроли Ф. Шаляпина, но созданные великим певцом образы помещаются в современный социально-политический контекст. Знаменитый шаляпинский Мефистофель вызывает у эссеиста ассоциации с сатанинским смыслом большевизма. «Со сцены глядит на меня воплощенный большевик, темно-огненный, угловато-могучий, сатанински-насмешливый, сатанински-соблазняющий. <...> Гляжу на эту сатанинскую физиономию и вспоминаю Троцкого». Среди шаляпинских театральных масок он видит и еще одну, пророческую — это Ерошка, справляющий широкую масленицу, у которого за голенищем нож, а в руке бутылка. В данном случае автор имеет в виду разухабистую песню Еремки («Широкая масленица, ты с чем пришла?») из оперы А. Н. Серова «Вражья сила», — один из артистических шедевров Шаляпина, в котором артист, переходя от ликования к угрозе и ужасу, выразил и хитрость, и удаль, и ощущение трагедии — все, что характерно для русской народной анархической стихии. Этот Ерошка, считает автор, сейчас по всей России справляет кровавую масленицу. «Широкая масленица с дымом пожаров, с кровью, с грабежом — кровавая масленица. <...> Подождите немного — и будет из масленицы целая кровавая баня. Умоется Россия из Ерошкиных рук, без щелока, без мыла, без воды, — собственной кровью своей умоется Россия.

¹ Русская воля. 1917. № 159. Утр. вып. 4 июля. С. 2.

² Русская воля. 1917. № 219. Утр. вып. 15 сентября. С. 2.

³ Русская воля. 1917. № 211. 6 сент. С. 2.

⁴ Русская воля. 1917. № 211. 6 сент. С. 2.

Дайте срок, подождите немного — Мефистофель-Гомункулус и Ерошка-Великий сольются в одно»¹.

В августе-сентябре после попытки корниловского мятежа со страниц газеты встает картина полного разброда, хаоса, столкновения различных партий. Все более определенным становится ощущение приближающегося конца. «Трагедия России», «Россия умирает», «Как спасти Россию?» — таковы заголовки статей. В середине сентября газета констатирует: «В рядах революционной демократии произошел крутой перелом в сторону большевизма»². Теперь газетной шапкой становится из номера в номер печатаемый все более крупным шрифтом «Большевики!».

25 октября выходит последний номер газеты. В тот же день издается приказ Военно-революционного комитета, гласящий: «Типографию «Русской воли» реквизируют для нужд революции»³. «Русская воля», в числе других десяти самых крупных буржуазных газет, была закрыта, а ее мощная полиграфическая база передана большевистской газете «Правда».

Литература

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М. : Издательство политической литературы, 1967–1981.
2. Оксман Ю. Г. «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. Т. 2. М. : Жур.-газ. объединение, 1932.
3. Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиограф. роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар, 1991.

References

1. Lenin V. I. Complete works [Polnoe sobranie sochinenii]. M. : Publishing house of political literature [Izdatel'stvo politicheskoi literatury], 1967–1981. (rus)
2. Oksman Yu. G. "Russkaya Volya", banks and bourgeois literature ["Russkaya volya", banki i burzhuaznaya literature] // Literary inheritance [Literaturnoe nasledstvo]. V. 2. M. : Journal and newspaper association [Zhurnalno-gazetnoe ob"edinenie], 1932. 266 p. (rus)
3. Sorokin P. A. Long way [Dolgiy put'] : Autobiographical novel / translation from english P. P. Krotov, A. V. Lipsky. Syktyvkar, 1991. 304 p. (rus)

¹ Тан В. Российский Мефистофель // Русская воля. 1917. № 233. 1 октября. С. 3.

² Русская воля. 1917. №216. Веч. Вып. 11 сентября. С. 2.

³ Электр. ресурс. <http://dok20vek.ru/node/55> (дата обращения: 10 мая 2017 г.)